

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ.

В семейной обрядности этнокультурных групп русского населения Алтая ведущее место принадлежит **традиционной свадьбе**, являющейся по своей сути личным и общественным событием, открывающим жизнь супружеской пары, семьи и извещающим общину о ее появлении.

Свадебная обрядность этнокультурных групп русского населения Алтая обнаруживает **черты сходства с общерусскими свадебными традициями**, что прослеживается в единой канве, выполнении основных обрядовых действий и их значении, а также бытующих фольклорных жанрах.

В то же время на Алтае в каждом из основных этапов свадебного обряда сложилось множество локальных вариантов традиционного действия и его музыкально-поэтического оформления.

Представленное ниже систематизированное описание свадебного обряда этнокультурных групп русского населения Алтая составлено на основе:

- подробных этнографических описаний, сделанных в XIX в. и раскрывающих свадебные традиции этнокультурных групп старожилов Алтайского Горного округа (С.И. Гуляев [19]), казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (Ф. Зобнин [36]), старожилов-риддерцев и старожилов-«поляков» Змеиногорского округа (М. Швецова [99, 100]);
- этнографических статей и сообщений конца XX в. по традиционной культуре старожилов-староверов (В. Мотузная [64], О. Абрамова [5, 7]), казаков (В. Бодрова [9]) и поздних переселенцев (Н. Панышина [73]) (традиционная свадьба с комплексом входящих в нее обрядовых песен с середины XX столетия не существует, поэтому исследователи прибегают к ее реконструкции, основываясь на воспоминаниях старейших местных жителей);
- обобщающих исследовательских работ В.А. Липинской [50], НА. Миненко [62];
- анализа экспедиционных материалов автора, записанных в период 1987-2001 гг. в поселениях смешанного типа и позднепереселенческих поселках (подроб. см. УФК).

В описание включено большое количество цитат вышеперечисленных работ, изданных в XIX в. с целью «хрестоматийного» ознакомления студентов с особенностями свадебного обряда старожильческих групп Алтая. Наличие репортажных материалов исследователей конца XX в., комментариев исполнителей, дополняющих общую картину свадебного обряда, обусловлено, не столько желанием передать колорит народной речи, сколько необходимостью документального подтверждения общерегиональных и локальных явлений свадебной обрядности этнокультурных групп.

В XIX в. у старожилов Сибири преобладали **поздние браки**, внебрачная жизнь считалась большим грехом. Н. Миненко отмечает, что женились и выходили замуж **в возрасте 20 лет и старше**. *«В брак могли вступать не более трех раз. Причем третий брак вдовцу или вдовице дозволялся только в том случае, если ни от 1-го, ни от 2-го брака не было детей. Нормы церковного брачного права действовали на всей территории Российского государства, в том числе и в Сибири»* [62, с.110]. В семейно-брачном законодательстве России с 1830 г. действовал закон, разрешавший священникам **венание браков только с родительского благословения и по достижении жениху 18 лет, а невесте 16 лет** [62, с.109].

В конце XIX в. **браки**, по способу их заключения, исследователи **разделяли на три группы**.

1. **Браки с согласия родителей и обоюдного согласия брачующихся;**
2. **Браки «убегом»;**
3. **Браки сибирские, «сводные».**

Первые два брака санкционированы законом и церковью, браки же «сводные» заключены без всякого посредничества церкви и власти официального закона» [50, с.198].

Венчание было обязательно для всех придерживавшихся православия: новообрядцев и старообрядцев-поповцев. Без венчания проводились свадьбы «сводом» в среде старообрядцев беспоповцев. Их также устраивали, если один из брачующихся был старовер-беспоповец, а другой православного вероисповедания, либо так называемый старовер-«церковник».

В конце XIX в. М. Швецова отмечала, что свадьбы «сводом» стали устраивать и староверы-«церковники» поповцы и беглопоповцы в связи с тем, что венчание «обходится дорого (10-15 рублей за венец)» [99, с.21].

Исследовательница указала и выгоду такого брака для женщин. Она пишет: *«Выйдя замуж по собственному желанию и притом в огромном большинстве «сводом», что дает ей возможность уйти от мужа, раз она не пожелает продолжать жить с ним, женщина чувствует себя свободной и в замужестве, и муж редко осмеливается бить ее или истязать, что составляет обычное явление у сибиряков»* [100, с.60].

В то же время подобный уход замужней женщины от мужа в среде бухтарминских старообрядцев-каменщиков считался явлением антисоциальным, и на такую женщину вешалось позорное клеймо на всю жизнь.

С соблюдением всех традиционных обрядов проводилась свадьба **с согласия родителей жениха и невесты свадьба согласная либо законная**. Только в согласной свадьбе, по замечанию Ф. Зобнина, *«выражаются во всей полноте свадебные обычаи местного населения»* [36, с.2].

По традиции, сложившейся у крестьян Алтая, свадьбы обычно справлялись в зимний мясоед (мясоедом в православном церковном уставе называлось то время в году, когда разрешалось есть мясную пищу), длившийся от пяти до девяти недель (с 25 декабря /7 января до масленицы).

Свадебный обряд этнокультурных групп соответствовал общерусской типологии и **включал в себя основные драматургические моменты:**

- **Сватовство;**
- **Заручение или рукобитье (у поздних переселенцев запой или пропой);**
- **Сговор;**
- **Смотрины;**
- **Баня;**
- **Девишник;**
- **Бранье;**
- **Венчание либо свод у старообрядцев-беспоповцев;**
- **Окручивание;**
- **Стол в доме жениха (дары) - у казаков большой стол;**
- **Блины у тестя;**
- **Гулянья у родственников - отводины.**

Беглая свадьба либо свадьба «убегом» не что иное, как отголосок древнего языческого наследия формы заключения брачного союза, сопровождавшейся выкрадом невест из другого рода-племени.

В отличие от языческого выкупа, свадьба «убегом» в XIX-XX вв. заключалась по взаимному согласию влюбленных, решивших пожениться, но встретивших препятствие несогласие на брак со стороны родителей. В таком случае молодые договаривались между собой, уходили из дома и тайно венчались. М. Швецова справедливо характеризует свадьбу «убегом» как «протест молодежи против произвола родителей в выборе жениха и невесты: не имея смелости, а часто и возможности бороться открыто с родителями, молодежь женится тайком, и родителям волей-неволей приходится мириться с совершившимся фактом» [99, с.21].

Выйти замуж «убегом» особенно трудно было для девушки. Заключение подобного брака, несмотря на страх родительского проклятия и отказа в приданом, демонстрировало ее неповиновение родителям. И, тем не менее, к концу XIX в. «к заключению брака убегом, отмечает М. Швецова, стали прибегать все чаще, даже с ведома родителей жениха, которые иногда сами советуют сыну взять невесту «выкрадом», во избежание расходов на свадебные пирушки, так как в этом случае все расходы ограничиваются покупкой вина для примирения с родителями, да уплатой «выкупа» брату невесты, без согласия которого примирения не может состояться. Таким образом, подъемная и приданое сохраняются целиком для молодоженов, а не пропиваются на свадьбе» [99, с.21].

С.И. Гуляев отмечал, что *«свадьбы беглые не сопровождаются обычными обрядами, да и некогда... Венчание беглых свадеб составляет главнейший доход священников и деньгами, и натурой добрым конем, бычком, медом и другими вещами. Молодые после венца идут прямо к родителям невесты, падают в ноги, вымаливают прощение у стариков, которые долго ломаются. Дружка, уговаривая простить виноватых, подносит вино и приготовленные заранее подарки тестю и теще. Так как делать уже нечего, тесть выпивает рюмку, берет подарки и, целуя новобрачных, говорит: «Ну, уж так и быть. Бог простит, парень-то славный, а то век на глаза не принял бы».* Затем начинается гулянка, продолжающаяся неделю» (цит. по кн. [50, с.200]).

Присмотр и выбор невесты.

Для русского населения Алтая было характерно стремление подбирать невест с учетом этноконфессиональной, этнокультурной принадлежности в пределах ограниченной территории: в своем селе либо в соседних. Например, **казаки** ст. Антоньевской Петропавловского района сватали невест в селах Николаевка и Паутово; **старообрядцы-«кержаки»** с. Карагайка Красногорского района в селах Тайна, Кажи; **старообрядцы-«поморцы»** с. Солоновка Смоленского района в селах Лютаево, Карповка Солонешенского района; **крестьяне** с. Ложкино Целинного района в селах Воеводское, Марушка, Бочкари; **воронежские переселенцы** с. Камышенка в с. Соловьиха Петропавловского района [109, с.23].

Для молодежи свадебного возраста общим было требование соблюдения чести, порядочности и скромности. Внебрачная жизнь считалась позором, провинившимся девушкам вплоть до 70-х гг. XX в. мазали дегтем ворота. Родители строго контролировали поведение молодежи, особенно девушек. Молодые люди никогда не ходили друг к другу домой, это запрещалось существовавшими правилами деревенской морали, и до сватовства не оставались наедине.

В семье жениха в молодой снохе стремились получить хорошую сильную работницу. Поэтому ценились: состояние здоровья, трудолюбие, ловкость, чистоплотность невесты. Девушка должна быть к тому же смирна, скромна, тихого нрава.

Подыскивая невесту, интересовались ее родом до 3-4 колена. Родители девушек «на выданье» также предъявляли свои требования к женихам. Наиболее важным аргументом являлись достаток, крепкое хозяйство жениха, а также деловые качества его родственников.

У старообрядцев-«поляков» браки заключались по взаимному согласию молодых. Знаком согласия девушки на брак являлись платок либо лента, которую парень стремился получить на игрищах и в праздники.

У старожилов риддерцев-берггалов выбор невесты зависел от родителей.

- *«Задумав женить сына, родители приискывают ему невесту, причем главное внимание обращается на то, из какого она рода, а также на ее богатство; сын в этом не принимает ни малейшего участия и часто узнает о сватовстве лишь тогда, когда дело уже решено. Родители не спрашивали у дочери ее согласия на замужество, достаточным был утвердительный ответ родителей и «совета» родни невесты» [99, с.15].*

В XX в. в поселениях смешанного типа и переселенческих селах невест брали из разных деревень. Выходили замуж или женились даже тогда, когда жених и невеста никогда раньше не видели друг друга «родня приглядывалась».

Молодежь брачного возраста одевали лучше других членов семьи. В costume были детали, которые сразу позволяли узнать, женатый парень или холостой и отличить девушку от молодой замужней женщины (девушки заплетали **одну косу**, женщины **две**; девушки **ходили с непокрытой головой**, женщина **должна была закрывать волосы**).

Ежедневный, а особенно праздничный наряд невесты демонстрировал трудолюбие девушки (так как шился в основном ее руками) и достаток родителей. Зажиточные семьи могли приобрести покупные ткани, обратиться к «модисткам» портнихам.

Особой яркостью и красочностью **выделялась одежда молодежи у старообрядцев-«поляков».**

Девушки часто подкалывали к платку цветы (летом живые, зимой искусственные).

Молодые парни носили яркие вязаные носки с густыми кистями, выпущенными поверх сапог (накищивали сапоги). Им шили штаны из покупного брючного сукна, плиса, бархата. Рубахи из тонкого полотна, кашемира, атласа вышивали на груди и по рукавам. У «поляков» и других русских, живших в соседстве с алтайцами и казаками, вышивали также и штаны.

Личная одежда и приданое невесты составляли часть материального обеспечения будущей семьи, девушки в доме мужа предстояло обходиться только тем, что она принесет с собой. **Поэтому готовить приданое начинали рано с 6-7 лет.**

Вещи складывали в **девичий сундук:**

- носильные вещи,
- рукоделия,
- скатерти,
- полотенца, которыми украшали избу,
- постель, состоявшую из войлочных потников, перьевой перины, подушек с чехлами.

В ходе свадьбы осмотр приданого и перевоз его в дом жениха являлись важным празднично-обрядовым эпизодом.

Казачьи практически не вступали в родство с крестьянами и представителями более низких социальных сословий. Брали жен лишь в казачьих станицах и поселках (казачи стали родниться с окружающим и населением только в годы советской власти, а до этого держались особняком, на рубеже XIX-XX веков в Сибирском казачьем войске браки с представителями других сословий составляли менее 5%). Родители больше считались с желанием сыновей, а девушек выдавали замуж по своему усмотрению.

Сватовство.

Сватать чаще отправлялись в **праздничный** либо **воскресный** день. В некоторых селах сваты старались идти под вечер, незаметно для окружающих, чтобы дело «выгорело» сватовство состоялось. Состав сватов мог быть различным, обычно это были сваха крестная (крестный), дядька либо тетка, старший брат либо сестра, реже отец жениха.

В первой трети XIX в. у старожилов Алтайского Горного округа, писал С.И. Гуляев, «родители возлагали сватовство большей частью на женщину, известную своими успехами и опытностью в делах подобного рода. Сваха, понимающая вполне ремесло свое, строго наблюдает все необходимые для успеха в таком случае условия. Входя на крыльцо дома невесты, она ступает на первую ступеньку правой ногою, говоря: «Как нога моя стоит твердо и крепко, так слово мое будет твердо и лепко; тверже камня, лепче клею и серы (сосновой); острее булатного ножа; что задумаю да исполнится».

Следуя далее, она шагает через порог прежде правою ногою, а войдя в комнату и помолясь богу, садится только под матицей, и на ту лавку, которая идет по длине пола 12. Усевшись, нежданная, а иногда и желанная гостя завязывает с хозяевами какой-нибудь незначащий разговор, стараясь потом ловко обратить его к прямой цели своего посещения, а хозяева, угадывая это намерение, всячески уклоняются от объяснения, как бы в доказательство, что о замужестве дочери и не думают.

Наступательные действия, с одной, и оборонительные, с другой стороны, длятся иногда значительное время. Наконец сваха, уловив удобную минуту, встает и, обращаясь к отцу и матери невесты с низкими поклонами, ведет такую речь: «Я пришла к вам не пиры пировать, не столы столовать, а пришла я с добрым делом со сватаньем: у вас есть дорогой товар, а у меня знатный купец». Тут объявляет она им имя жениха, и если услышит какие-нибудь отговорки, например, что невеста молода еще, что ей надо покопить ума-разума, то обращает их в шутку, возражая: «То ведь не беда, что невеста молода; с добрым молодцом возмужает под венцом!» и тому подобное.

Нерешительность родителей невесты или несогласие последней заставляют иногда сваху посетить их неоднократно, без всякого успеха, несмотря на все употребляемые ею способы и таинственные предосторожности, порою заклинания и наговоры. Впрочем, медленность в согласии родителей невесты происходит нередко с тем намерением, чтобы выиграть время, необходимое для разведывания о качествах жениха, его состоянии и прочего. Но если предлагаемый союз находят выгодным, или когда жених полюбит дочь, то, перестав противиться и как бы предоставляя девушке полную свободу выбора, обыкновенно говорят в таком случае: «Ну ин с богом! выбрала молодца, так уж после не пеняй на отца!» Затем дело пойдет своим порядком» [19, с.262-263].

Почти аналогичное описание сватовства встречается в этнографическом очерке Ф. Зобнина «**Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда**», опубликованном в 1900 г.:

«На сватовство отправляются: отец, мать, крестный, крестная и другие родственники жениха вместе с этим последним. чтобы сватовство вышло удачным, жених или, вернее, сваха, по требованию обычая, садятся в доме невесты против матки, при этом «бывалая свашенька» для начала обыкновенно говорит заученную фразу: «не сидеть пришли! Не стоять пришли! Пришли с добрым словом со сватаньем!», а затем называет отца невесты по имени и отчеству и объясняет, что такой-то просит красную девицу себе в законные супруги.

Отец единолично, обыкновенно, согласия не дает, а говорит, что об этом нужно спросить мать, невесту, родство и что об этом, вообще, нужно подумать: дело серьезное.

Получив такого рода ответ, сваты отъезжают из дома невесты, у которой тем временем собирается тайный совет из пожилых и ближайших родственников. Невеста в совете не участвует. Решение свое совет объявляет невесте и, получив ее согласие, делает постановление выдать девицу замуж» [36, с.2].

В семьях **старожилов-ридерцев** в конце XIX в. по словам М. Швецовой присмотреть «подходящую, по их мнению, девушку, родители выбирают из родни двух сватов мужчину и женщину и отправляют их к родителям невесты «с добрым словом со сватаньем, начинающимся обязательно словами: «у вас есть товар, у нас купец».

Родители невесты, также, не спрашивая дочери, дают окончательный ответ тут же, и в случае их согласия сваты, оповестив родителей жениха, вместе с ними, самим женихом и вновь избранным «дружкой» в тот же день снова являются в дом невесты, куда к тому времени уже собирается ее родня «для совета» [99, с.15-16].

У старообрядцев-поляков к сватовству относились как к явлению формальному, поскольку взаимный выбор молодыми был уже сделан.

«Сговорившись заранее с невестой и обменявшись с нею подарками, жених обращается к отцу с просьбой сосватать ему невесту и называет свою избранницу. Отец сам с родственниками отправляется к родителям невесты «с добрым словом со сватаньем»; те спрашивают дочь, согласна ли она выйти замуж за такого-то, и если она отвечает: «пойду», то сваты тут же уговариваются относительно размера «подъемных», т.е. денег, какие отец жениха должен отдать за невесту и которые, как и у соседей поляков риддерских обывателей, целиком идут на свадебный пир и покупку разных предметов для невесты» [100, с.58].

В свадьбах переселенцев на сватанье принято было жениху оставаться дома. Невесту «шли сватать сваха и его родственники братья, тетки, дядьки, отец и мать» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22).

При благополучном исходе сватовства приглашали жениха и родственников. Тогда устраивали **«запой» («пропой»)**. Сваты ставили на стол водку, подавалась закуска все выпивали за осуществление начатого дела. «Запой» мог быть на следующий после сватовства день. На «запое» родители договаривались о сроке, условиях свадьбы и расходах сторон.

Здесь же условливались о дне следующей церемонии: осмотра хозяйства жениха «колышки считать» (этот обычай в Сибирь привезли переселенцы). После осмотра дома, надворных построек, скотины, следовало угощение.

Рукобитье.

В старожильческой традиции после сватовства следовало **рукобитье**, называемое так же «сговор», а у казаков «зарученье». Данный обряд является официальной формой заключения брачного договора между семьями жениха и невесты. В знак согласия с условиями договора расходов на свадьбу дружка либо сваха соединяли руки жениха и невесты, отцов, матерей, крестных воедино. Рукобитье устраивали в доме невесты в специально оговоренный день, либо в день сватовства.

У старожиллов-риддерцев в XIX в. им завершалось сватовство. «Между будущими родственниками происходит формальный торг: родители невесты запрашивают возможно дороже за свой «товар», а жениховы, как представители «купца», стараются купить этот товар возможно дешевле; в торге принимают горячее участие родные той и другой стороны.

Наконец, путем взаимных уступок приходят к согласию и устанавливают, сколько именно «подъемных», т.е. платы за невесту должен дать жених, и какое приданое принесет с собой невеста. «**Подъемная**» состоит из денег и различных припасов для предстоящего пиршества и идут целиком на устройство свадебного пира и на покупку для невесты нужных вещей, чем отличается от калыма, принятого у алтайских инородцев и остающегося у родителей невесты в вознаграждение за утрату в ее лице рабочей силы.

Приданое также принадлежит невесте и в случае развода с мужем (при «сводном» браке, когда риддерец женился на раскольнице из окрестных деревень) она уносит его с собой. Когда торг заключен, дружка вступает в отправление своих обязанностей и устраивает рукобитье, которое состоит в следующем.

Дружка берет руку жениха и невесты и завертывает в полотенце, висящее у него через плечо; затем на руки жениха и невесты кладут поочередно свои руки отцы, матери, крестные и крестная будущих супругов, и руки их также завертываются в то же полотенце, после всех кладет и дружка свою руку и, завернув ее другою в полотенце, спрашивает родителей брачующихся о чем у них уговор был. Те подробно повторяют условия своего договора и заявляют, что пришли к соглашению. Тогда дружка развертывает полотенце и разнимает руки. Затем жениху и невесте надевают кольца, чем рукобитье и кончается» [99, с.16].

Согласно описанию Ф. Зобнина у **казаков рукобитье или зарученье** происходило в день сватовства, когда сваты возвращались в дом невесты за ответом. Спецификой рукобитья в казачьей свадьбе является составление официального документа подписки родителей невесты позже передававшейся священнику.

➤ «Вновь являются сваты и устами свахи вопрошают: «что было говорено, на чем окончили?»»

Отец невесты отвечает: «Невеста желает, родственники присоветовали. Пожалуйста вечером на зарученье!».

Получив такой благоприятный ответ, сваха берет руку у отца и матери невесты, те дают руку и при этом выговаривают дары для себя и для родственников и подъем для невесты.

В разных местах уезда и в зависимости от степени зажиточности жениха и невесты подъем колеблется в сумме от 10 до 30 рублей, тоже происходит и с дарами. Самые обыкновенные дары полагаются: отцу халат и сапоги, брату сапоги, матери на платье, сестре шаль, невестке платки и пр. Сверх того родители невесты выговаривают себе водки на отлив, начиная от четверти и кончая целым ведром.

Вечером этого дня отец и мать невесты приглашают к себе своих родственников с семействами. И когда приглашенные соберутся, шлют гонцов за сватами. Сваты приносят с собой для угощения невестиной родни ведро водки сверх выговоренной на зарученье, а жених дарит невесте на одно или на два платья ситца. Начинается угощенье, среди которого далеко не последнее место занимает водка и чаепитие.

Среди веселого провождения времени сваты не забывают и деловой стороны свадебной церемонии: совместно с родителями невесты они тут же вырешают, до какого времени должна продолжаться свадебная гулянка, сколько будет столов, у кого они будут. В заключение от родителей невесты отбираются подписки, «чтобы те не могли отказаться», потом подписки передаются священнику» [36, с.2-4].

У старожилов Алтайского Горного округа день рукобитья (сговора) назначался через несколько дней после сватовства.

С.И. Гуляев пишет, что на него

- «приглашаются в дом невесты только ближайшие с обеих сторон родственники. Когда соберутся все, то зажигают свечи перед образами, потом, помедлив немного, все присутствующие встают и безмолвно молятся богу.

После этого религиозного обряда сваха или кто-нибудь из старших родственников жениха берет за руку отца невесты, а один из почетных гостей подходит к ним и. Разнимая их руки, говорит: «Благослови, Господи! в добрый час!» Все в голос повторяют: «В добрый час!»

Затем снова молятся богу, поздравляют друг друга с начатым делом и садятся по местам. В это время входит невеста в сопровождении матери, которая, подведя ее к жениху, говорит: «Вот тебе суженная ряженая; прошу любить и жаловать!» Жених кланяется, берет невесту за руку, целует и сажает возле себя. После того начинается угощение...» [19, с.263].

Девушки-подружки и молодые родственницы пели грустные песни, в которых звучал укор невесте, обманувшей девушек «говорила, в эту зиму не пойду» [6, с.78-81], жалоба на «сваху-разлучницу», отца-мать, отдавших дочь в чужие люди.

У поляков Змеиногорского округа рукобитье также устраивали в день сватовства. Именно так по северно-русскому обычаю обряд назывался в Секисовке, Шемонаихе, Бутакове, а в Екатерининском, Лопатинке, Саввушке запиванием, что характерно для южнорусской свадьбы.

Одним из важных моментов рукобитья староверов является договор родителей о том, как делать свадьбу сводом или с венчанием в церкви. Этот факт имел значение для религиозных воззрений будущих супругов и определял ход событий в день бранья.

➤ «Получив согласие невесты и условившись о размере подъемных, «отец жениха отправляется домой и возвращается к невесте уже с самим женихом и его матерью; с ними приходят также человек пять родственников.

Если жених православный или единоведец, а невеста раскольница, или наоборот жених раскольник, а невеста «церковная», то сперва уговариваются, как делать свадьбу «на венец или сводом», а потом окончательно условливаются о величине подъемных и приданого, назначают срок недели в две, когда должно быть «бранье» невесты, к которому как хозяева, так и приглашенные гости должны наварить пива, а затем производится «рукобитье»...

Во время рукобитья девушки поют:
«Не полати-то грянули,
По рукам девку ударили;
Что не печь повалилася,
(Такая-то) заручилася
Со милым дружкой (таким-то)» [100, с.59].

В XX в. у староверов, по свидетельству В.И. Мотузной, **рукобитье (зарученье)** делали через несколько дней после сватовства. Обратим внимание, что порядок возложения рук в церемонии обряда несколько отличается от вышеприведенного описания М. Швецовой.

➤ «Сначала родители жениха, затем родители невесты, жених с невестой кладут рука на руку, перевертывая их полотенцем. Последним прикрывает руки дружка и спрашивает: «Какой запрос за невесту?» Отец невесты оговаривает определенную сумму денег, подарки невесте: платье шелковое, шаль кашемировую, полушалок, ботинки или сапоги, ткани на парочку, «занавецу», постельные принадлежности» [64, с.91].

В с. Топольное запрос деньгами выражали таким образом: отцу жениха подавали стакан пива на подносе, он его выпивал, затем клал деньги и свой кошелек, что означало больше нет. Родные невесты смотрели, сколько есть денег, брали условленную сумму и возвращали кошелек обратно. На эти деньги покупали подарки родственникам жениха, которые вручали на дарах. Здесь же на зарученьи невеста одаривала родственников жениха опоясками, настенными полотенцами, платками, чтоб на нее «крепко надеялись» [64, с.91].

«Подруги невесты при этом припевали всех гостей, поднося стакан пива. Сначала жениху пели: «Ты восхожее красно солнышко». Он выпивал, брал подарки ковры на коней и кошеву, вожжи тканые и становился рядом с невестой. Так припевали и одаривали всех остальных. Невеста в это время сидела или за столом, или в кути» [64, с.91].

В конце XX в. у староверов по сообщению В.И. Мотузной «после сватовства родные невесты ездили к жениху «забивать колышки» смотреть его дом, хозяйство. Там устраивали угощение» [64, с.91].

Вероятно этот обычай был перенят от переселенцев, поскольку не упоминается в ранее опубликованных работах С.И. Гуляева, М. Швецовой, описывающих свадебную обрядность старожилов Алтая XIX в.

Смотрины.

За рукобитьем у старожилков назначаются **смотрины** и **девишник**. Смотрины (смотренье), по определению С.И. Гуляева «первое торжественное обоюдное представление жениха и невесты будущим родственникам и знакомым. Девишник последний вечер перед свадьбой. Иногда то и другое бывает в один день» [19, с.268].

На смотрение, девишник и свадьбу у поселян и мастеровых приглашался дружка, у других сословий шафер.

- «Дружка должен быть знахарем, чтобы кто-нибудь не похлостил (не испортил) жениха, невесту, или их родственников и поезжан; должен знать порядок, что за чем следует; уметь вовремя сделать, что нужно. Он самое необходимое лицо, без совету которого ничего не предпринимается, и потому дружка распоряжается всем, как совершенный хозяин; назначает, когда подавать закуски или кушанье на стол; угощает отца и мать невесты, жениха, его родню и всех родственников и знакомых. В это время на кушаке у него с левой стороны висит нож для разрезывания кушанья, наперед бертчатое полотенце и пистолет, на правой стороне заткнута плеть или бич.
- Во время угощения, или когда гости заняты песнями, дружка неожиданно стреляет из пистолета в матицу, в угол или стену, и каждое действие свое сопровождает различными присказками, иногда полными неподдельного остроумия и простодушной иронии, заставляющей тех, к которым относится меткое слово дружки, невольно закусывать губу, а других смеяться до слез. Впрочем, на смотренье иногда дружки и не бывает... Стрельба из пистолета осуществлялась, чтобы отогнать от свадьбы всякую нечисть. Громкий шум, звон, выстрелы это магия оберега для молодой пары. Кроме родственников на смотренье собираются «не только лица приглашенные, которые должны участвовать в свадебном пиршестве, но приходят и незваные, особенно, если знают, в заключение вечера будет пляска...

В назначенный... день, вечером, или вскоре после обеда, приезжают жених с отцом и матерью, родственниками и товарищами к невесте и, помолясь богу, все садятся чинно по местам. В это время вводят невесту из другой комнаты или из кути, отделяемой от прочего пространства избы досчатой перегородкой или занавескою. Жених и все присутствующие, встав, единогласно приветствуют ее, а потом жених берет невесту за руку и, поцеловав, сажает возле себя.

В продолжение всего вечера она, по обычаю, сидит склоня голову и почти вовсе не разговаривает с женихом, даже не глядит на него, исключая те минуты, когда подают угощение. После этой церемонии начинают песни» [19, с.268-269]. Во время вечера гостей угощают «питьями. Гости, отведав вина или наливки, просят подсластить их, что значит поцеловать жениху невесту. Выпив рюмку, дарят невесту, кто чем может... Затем поются песни тысяцкому (начальнику поезда, воеводе), свахам, и всем вообще присутствующим, каждому особо.

По окончании песни одна из девушек подносит рюмку вина или наливки тому, для которого поется песня. Угощаемый, выпив рюмку, кладет на поднос деньги, которые делятся потом между певицами. Если подарком останутся довольны, то величают (благодарят), в противном случае платят насмешкою» [20, с.273-274]. Эти же величальные песни гостям поют на девишнике и на свадебном пиру.

По окончании церемонии жених приглашает «отца, мать невесты и других гостей к себе и «угостив вечерним столом, приезжает обратно к невесте, где оставшиеся подруги веселятся всю ночь» [19, с.281].

Аналогом смотрин в традиции позднепоселенцев являлись сводины (сводушки), выполнявшие функцию знакомства родственников невесты и жениха. В.А. Липинская утверждает, что они проходили шире, чем у сибиряков.

Невеста собирала у себя родных и подруг. Жених приглашал свою родню. Он приходил к невесте и всех собравшихся там уводил в свой дом. В доме жениха начиналось гулянье, которое потом продолжалось у его родных. «Гуляют по дворам родни... и всех приглашают на свадьбу» [50, с.220]. Исследовательница также указывает на то, что невеста устраивала большой, или настоящий, запой. В нашей фольклорной практике эти сведения получить не удалось. Приведем ее описание.

➤ «Приезжал жених, и они вместе объезжали в нарядной кошевке девушек-подруг. Всех свозили в дом невесты, гуляли, оставались ночевать, помогали ей до свадьбы шить приданое. Невеста с подругами шила жениху всю свадебную одежду «от портянок до рубахи и кисета». К вечеру приходили парни. Девушки «опевали» ребят: «Летели две птички...» Жених целовал невесту, парень целовал девушек, которые ему пели, и давал что-нибудь в подарок. Молодежь, среди них и жених, оставались ночевать у невесты. Спали врозь: невеста ложится с девками, жених с ребятами» [50, с.220].

День свадьбы обычно назначали через 1-2 недели после просватанья. Приготовления к свадьбе шли в домах жениха и невесты: запасали продукты, варили пиво. У старожилов-риддерцев, по замечанию М. Швецовой, «родители невесты закупают всякие припасы, кроме вина, обыкновенно доставляемого отцом жениха; лишь в редких случаях отец невесты покупает определенное еще при договоре количество вина» [99, с.16].

В доме жениха отец, по замечанию Ф. Зобнина, был «занят своим важным делом составлением свадебного поезда», в который обычно входили: «тысяцкий (крестный жениха), дружка, двое бояр, полудрузье, сваха и при ней повозник» [36, с.4-5].

Девишник.

Центральные события происходили в доме невесты. После просватанья ее освобождали от всех домашних работ.

К ней собирались подруги, иногда молодые женщины из родни, помогавшие готовить приданое. Шили постельные принадлежности, рубашки молодым, свекру и свекрови, сарафаны; либо другую одежду (поздние парочки), ткали скатерти, половики, ткали и вышивали полотенца.

Эти сборы приготовления к свадьбе назывались девишниками, у старожилов-ридерцев посиделками. В некоторых селах (например, с. Солонешное) девишник был один накануне свадьбы.

- «К невесте собираются подруги и занимаются шитьем приданого; парни на эти посиделки не допускаются. За шитьем невеста причитает, а подруги поют песни» [99, с.16-17].
- «После рукобитья «девка сидит в невестах». Подружки по вечерам приходят к ней, шьют, вяжут, любую работу делают и поют. Придет жених один, сядет и сидит рядом с невестой, а невеста одета нарядно. Вот это девишник» [10, с.10]. 94

В некоторых переселенческих традициях бытовал ритуал, называемый «несенье», заключающийся в том, что жених присылает невесте деньги на свадебный наряд, который «шьется днем». Подруги невесты ходили снимать мерки с рубахи и штанов.

На девичниках пели много свадебных песен. Основной темой являлся мотив прощания с девичьей волей, беспокойство о будущем. У старожилов риддерского края, в поляцких селах и у казаков невеста время от времени причитала, обращаясь к отцу, матери и прочим родным. «В этих причетах, представляющих собою чаще всего свободную импровизацию, она оплакивает свое девичество, прощается с родными, «с трубчатой косой девьей красотой» и т.д.» [36, с.4].

Жених обычно посещал невесту каждый день.

➤ «На следующий день после сватовства к невесте приходят девки и ребята, и «гуляют». Поют песни и пляшут, а жених с невестой сидят в это время за столом. Могут гулять целую неделю и более» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22).

Повсеместно жених катал невесту с подругами на лошадях. В.И. Мотузная приводит информацию о том, что катались подруги с проводником, в то время как невеста угощала жениха.

➤ «Он приезжает на паре лошадей и останавливается сначала там, где квартировали они. В дом невесты он заходит с сестрой, подходит к невесте, она ему кланяется в ноги, поздороваются. Невеста подает ему стакан пива, он выпьет целует ее. Она подает ему в руки подарок, полотенец, а он кладет ей шаль и ткань на шитье. Затем припевают его сестру, а она в ответ дает кузов со стряпней: курником, стружнями, пирогами сладкими, с рыбой и бутылку водки для бани, плескает на каменку. Подруги невесты просят у жениха лошадей покататься, он дает им проводника, и они объезжают с песнями всю деревню. А в это время невеста потчует жениха в горнице. Когда возвращаются девушки, сажают и угощают их и сестру жениха. Потом собираются, невеста идет их провожать. Далеко уедут, невеста возвращается пешком» [64, с.91].

Жених привозил девушкам гостинцы: пряники либо другую домашнюю стряпню, конфеты, кедровые орехи, изюм, реже вино, те его припевали. К вечеру могли подъехать друзья жениха, которые затевали игры, песни. У старожилов, впрочем, как и у позднепоселенцев, было распространено обыгрывание гостей.

➤ «Приедут мы за стол, тарелку ставим, сидим обыгрываем (с песней парней), они нам деньги кладут, кто сколько не пожалеет, кто пятак, кто копейку. Были песни, вот «Уточка луговая», она с приплясом, такая веселая: нас семь человек, станем вокруг и поем» [73, с.137].

В свадебной обрядности поляков существовал **самобытный обычай «вывода на зарю» невесты**, приуроченный к периоду между рукобительем и браньем. Первой его описала М. Швецова:

➤ «подруги каждый день на утренней заре выводят невесту на двор или на улицу, и она там причитает «голосит»:

Уж вы, милья-то мои подруженьки,
Выведите меня на белу зарю,
С новой горницы во новы сени,
С новых- то сеней на красно крыльцо
Со красна-то крыльца на широкий двор
Со широкого-то двора на широку улицу!
Раздуйте-ка вы, мои ветры буйные,
Раскачайте-ка вы, мои ветры буйные,
Гробову доску лютую тоску!

«Наголосившись», невеста уходит обратно в дом и благодарит подруг: «Спаси-то вас, Господи, милья подруженьки, что сводили меня на белую зарю» [100, с.60].

При этом исследовательница пишет: «Этот обычай объяснить... я не могу, так как сами поляки не знают его значения, а исполняют только по традиции» [100, с.60].

В.А. Липинская, изучая фольклорно-этнографические особенности свадебного обряда поляков, конкретизирует: «Можно с уверенностью сказать, что обряд был перенесен из прежних мест жительства. Он широко известен во многих, преимущественно южных, местностях европейской части страны. «Отбивали зори» девушки-сироты в переходные часы между ночью и днем (царством мертвых и миром живых. Они обращались за благословением к ушедшим из жизни родителям. Поэтому в причете упоминалась гробовая доска. «Поляки» забыли существование обряда, но сохранили красивый обычай встречи утренней зари» [50, с.213].

В Солонешенском районе отмечен обычай «припевания зореньки» пробуждение невестой подружек утром с причетом, сюжетным мотивом которого является обращение к заре, сожаление о раннем восходе и просьба к матери покормить ее с подружками последний раз в «теплом гнездышке».

Ты заря, моя зоренька,
Да ты, кицига полуношная,
Да ты зачем рано всходила,
Да выше леса, выше темного,
Да ты вставай, роди...моя мамынька,
Да затопи-ка печь кирпичную,
Да испяки-ка мя...гкую шанежку,
Да покорми меня с подруженьками,
Да покорми меня с подруженьками,
Да отказал роди...мой тятенька,
Что(й) от теплого от гнездышка,
(Й)отказала роди...моя мамонька,
Да что(ий) от мягкой от постелюшки...

Впоследствии песня эта с обращением к хозяйшке закрепилась в обычае собирания угощения по дворам ряжеными в цыганок, в лохмотья подругами невесты» [64, с.91].

День накануне свадьбы был наиважнейшим в свадебном цикле. В нем сосредоточены заключительные моменты жизненного этапа девичества невесты. В этот день было принято невесте-сироте ехать поутру на могилы отца и матери. Там она плакала «с причитанием, жалея, что они не могут благословить ее» [19, с.288].

По возвращении невеста с подругами садилась за стол с угощением, присланным женихом. Помимо вина либо наливки жених присылал «коробочку, заключающую в себе мыло, гребень, румяны, белилы, башмаки, перчатки, булавки и пр., также некоторые подарки для девушек» [19, с.288].

У старожилов было принято отправлять с постельницей приданое (перина с подушками, одеяло, полог и т.п.) в дом жениха. «Родители жениха, встретив постельницу и приняв приданое, угощают ее и дарят по возможности. Когда постельница уберет постель в назначенной для того комнате, тогда приезжает тысяцкий, запирает комнату на замок, а ключ берет с собою» [19, с.289].

Баня.

По окончании обряда «приготовляют» невесту идти в баню. Обряд сборов в баню и расплетения косы перед ней одинаков во всех этнокультурных группах старожилов и переселенцев: подруги невесты (либо она сама) с причитом просят поочередно отца, мать, братьев и сестер расплести косу. Отец, подойдя к дочери, расплетает немного косы.

Потом следует обращение к матери, братьям и сестрам: каждый, подобно отцу, делает то же; остальную часть косы расплетают девушки. Затем берут невесту под руки, накрывают платком и отправляются в баню.

У старожилов-риддерцев баню топили утром.

➤ «Перед отправкой в баню невеста просит у родителей благословения и причитает, а подруги поют: «Приступись-ка, мой родимый батюшка, ко кручинной красной девице расплети ея трубчату косу» Отец расплетает часть косы. Затем невеста обращается с теми же словами к «родимой матушке», «братцу», «сестрице» и, наконец, к «любезным подруженькам», которые и доканчивают расплетание косы. После причитаний девушки берут невесту под руки и ведут ее в баню с пением...

Подходя к бане, одна из подруг опережает шествие, входит в баню и запирает за собой дверь. Невеста с остальными останавливается перед закрытой дверью и начинает причитать: «Пристояла резвы ноженьки, придержала белы рученьки на скобе булатной»; девушки подпевают ей. Тогда дверь открывается, и невеста входит в баню с подругами, которые там продолжают петь.

По возвращении из бани невеста повторяет свои причитания сперва перед входною дверью в дом («Пристояла резвы ноженьки»), а потом перед родными и подругами с просьбой расчесать ей косу («Приступись-ка» и т.д., только вместо «расплети» говорится «расчеши»). Начинается обряд расчесывания косы: первый подходит отец и проводит по волосам невесты гребнем; затем идут мать, братья, сестры и подруги; наконец, одна из девушек заплетает косу возможно замысловатее и туже» [99, с.17-18].

У старожилов-«поляков» и позднепоселенцев обряд мытья невесты в бане проходил с обыгрыванием банных принадлежностей. Девушки ездили к жениху за веником. С веником, украшенным разноцветными лоскутками, лентами, бумажными цветами, подруги невесты ездили по селу. Катаясь, пели частушки, протяжные песни. Заезжали к родственникам, и те давали им для бани мыло, полотенце, репейное масло, духи, помаду и т.п. Накатавшись, девушки вели невесту в баню и этим же веником парили невесту.

В селе Сибирячиха Солонешенского района к жениху ездили просить веник наряженные девушки.

- «Все нарядимся, кто во что, я любила в цыганочку наряжаться: вот, и говорим, что, мол, невеста грязная, ее надо помыть. Жених давал мыло, веник, сладости...

Девушки шили большую куклу, под юбочку подвязывали колокольчик, привязывали куклу к венику. Едут и брякают: «Выкупайте невесту! Выкупайте!»... Девушки с веником могли объехать всю деревню, если не продадут, то в доме начинают торговать. За каждый шаг девушек надо было оплачивать и мойщицу. Кукла звякала: то в сенях выкупи, то в дверях выкупи!...» [5, с.53-54].

Как у старожильческих групп, так и у позднепоселенцев, все совершаемые в обряде «бани» действия сопровождались причетами невесты: с просьбой: истопить баньку, расплести косу, проводить в баню, впустить в баню при закрытых изнутри дверях, помыть в бане, заплести косу после бани и т.п.

Для свадебной традиции поляков типичны сольныя причеты невесты на фоне коллективного пения девушек. В.И. Мотузная приводит сообщения информаторов-староверов, родившихся в начале XX в., что «в с. Топольном припевали в бане отца или брата. В с. Екатерининском, когда невесту мыли, подружки пели «На море, не горючем на камушке», что в Солонешенском районе пелось на окручивании со словами о черной кикиморе. после бани, ожидая жениха с гостинцами, девушки пели: «Течет речка, не колышется».

На приезд жениха пелась величальная песня «Завилис(я) кудри, повилис(я)» и «Слышишь ли, Иван-сударь». Жених откупался, угощая девушек сладостями и орехами. После этого все катались по деревне с песнями на наряженных выездных конях, с закрученными хвостами, с бубенцами, лентами, полотенцами на дугах, в праздничной упряжи сбруя под серебром, камушки раскрашенные. Также возили украшенный веник. Обычно заезжали к жениху, и там их угощали ужином» [64, с.92].

В.А. Липинская пишет, что вечером того же дня в Екатерининской, по рассказам М.Т. Лопатиной, «жених собирал друзей и поезжан с повозником у себя и с ними приходил к невесте. К ней он приносил часть вина, выговоренного при заручении. Девушки пели каждому из гостей величальные песни, их в ответ одаривали «золотили». Поздно вечером все уезжали, кроме жениха и повозника. Они оставались ночевать. Однако близости не допускалось, честность невесты контролировалась позже в ходе свадебного обряда. Жених, пролежав с невестой до раннего утра, уезжал вместе с повозником. Тогда к дочери подходила мать, садилась возле нее и «голосила»:

Вставай-ка ты, моя милая доченька,
Спалось ли вам темну ноченьку?
Уж как мне-то она не спалася...

Подобный обычай, когда жених оставался в доме невесты, составлял специфику украинской и отчасти южнорусской свадьбы. Исследователи называют его «ложной клятвой», так как фактического брака не происходило» [50, с.214].

В свадебной традиции **казаков Усть-Каменогорского уезда** баню готовили в домах жениха и невесты.

- «В назначенный для девичника день в доме невесты готовится парная баня. Когда жених явится, девицы с песнями выпрашивают у него вина, мыла и гребень. Жених дает им просимое. После этого невеста с подружками и приглашенной свахой направляются в баню» [36, с.5].

«Мать жениха топит в этот день баню, в ней моются и парятся все поезжане вместе с женихом, и подобное омовение носит в себе характер как бы какой-то церемонии. Перед отправлением в баню дружка обращается к отцу и матери жениха с такими словами: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас! Батюшка родимый, матушка родимая! благословите своего сына милаго в парную баню обмыться, почиститься!» Родители говорят: «Бог благословит!» и поезжане направляются в баню.

По выходе из бани дружка вновь обращается к родителям: «благодарим, батюшка и матушка, за баню парную, за воду ключевую, за веники шелковые!»

По окончании этого идет угощение поезжан, затем заготавливаются лошади, сбруя, экипажи для поездки на следующий день к невесте и в церковь» [36, с.9-10].

В переселенческих селах и селах смешанного типа подружки невесты также отправлялись к жениху за веником.

- «Завтра свадьба. К жениху идут девки за веником. Жених их чаем напоет и угостит, принесет веник березовый, а девушки несут ленточки свои. Он запрягает коня, а девки в это время наряжать веник. Жених и девки встают на сани. Все стоя едут. Они едут, поют песни «Прощай-ка, прощай весь белый свет». Жених привез веник невесте, невеста его встречает, чаем угощает» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22). В с. Белое Троицкого района жениху в подарок везли вожжи.
- «Едешь за веником, а ему [жениху] везешь вожжи, тогда ткали сами вожжи наряженные, и вожжи туды ему везешь. Навестив жениха и выпросив веник, подружки невесты катаются по деревне: «Запрягут коня и поедут полны сани. Веник сделают, нарядут веник, и этим веником махают с пляской, с пляской на санях-то» [73, с.138]. Многие информаторы утверждают, что в бане мылись вечером.
- «В бане мылись вечером, а завтра свадьба. Ходили невестины подружки, закроются в бане, а невеста подойдет причитает. Подружки манежут ее долго. Подружки кто ночует, кто не ночует с невестой» (М.К. Агапушкина, с. Хомутино Целиного р-на, УФК 29).
- «Невесту когда провожают в баню, песни поют, наплачутся и благословения просят у отца, у матери. Невеста всем поклонится. В бане моются вместе с подружками» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22).
- «В бане плакали. Девки истопили баню, мои подружки в бане, они меня не пускают, а я у двери плачу: \

Милые подруженьки,
Пустите мя в парну банюшку,
Пристыли мои ноженьки,
Пришшипали мои рученьки.

Девки ничего не пели в бане. Они меня пустили, посадили на полоч, и давай парить веником» [73, с.138].

Вечером, накануне свадьбы, проходил последний девичник. У старожилов, отмечал С.И. Гуляев, смотрины и девичник могли быть в один день. Об этом же свидетельствует и М. Швецова, описывая свадьбы старожиловридерцев.

➤ «В тот же день вечером созывают гостей на смотрины и девичник. До приезда жениха не полагается никаких угощений, собравшиеся ранее гости сидят чинно и ведут посторонние разговоры. Подъезжает жених со своим «поездом», т.е. с дружкой и родными. Дружка подходит к двери, произносит молитву и стучит ногой в дверь; хозяйка отвечает ему: «Аминь!» После этого поезжане входят в комнату. Дружка обращается к родителям невесты со словами: «Батюшка, матушка! Багословите зайти за столы дубовы, за скатерти браны, за яства сахарны, за питья медьяны». Те отвечают: «Бог благословит!» Тогда гости заходят за стол, строго соблюдая такой порядок: первым идет дружка, за ним полудружье (его помощник), потом большой боярин, малый боярин, тысяцкий, женихова сваха, сам жених, его отец и мать, а за ними остальные гости. Дружка с полудружеством, обойдя вокруг стола, выходят из-за него и начинают угощать гостей вином, которое привозит с собой жених. Невеста все это время не показывается гостям и сидит в другой комнате, а за неимением таковой в углу за занавеской. Услыхав подчивание гостей дружкой, она обращается к отцу из своей комнаты с просьбой: «Не сдавайся, мой родимый батюшка, ни на рюмочку сладкой водочки, ни на чарочку наливочки».

После того, как дружка три раза обнесет вином гостей подряд «подает три рядовых», начинаются сами смотрины. Дружка обращается к родителям невесты и говорит: «Батюшка, матушка, благословите купца показать, товар посмотреть». Услыхав такие слова невеста выходит со своею свахою, перекрестившись, кланяется гостям три раза и снова удаляется в свою комнату. Дружка повторяет свою просьбу; невеста показывается во второй раз и опять уходит, перекрестившись и поклонившись гостям. Тогда дружка снова вызывает невесту теми же словами, и на этот раз она выходит с подносом в руках. На подносе стоит рюмка и лежит подарок жениху материя на рубаху или что-нибудь в этом роде. При появлении невесты, жених должен встать из-за стола, одной рукой взять невесту за руку, а другою рюмку, выпить вино и, взяв подарок, отвести невесту за стол и усадить рядом с собою. Гости зорко наблюдают, что первое возьмет жених руку невесты или рюмку; в последнем случае невеста убегает обратно в комнату, а гости принимаются стыдить жениха, что он предпочел вино невесте и смотрины начинаются снова. Говорят даже, что иногда брак расстраивается из-за этого, так как предпочтение, оказанное рюмке, считается признаком того, что жених пьяница. Если же жених поступает, как указано выше, то этим смотрины и оканчиваются.

Дружка поздравляет гостей с началом «девичьего вечера». Девушки запевают песню «При девичном славном вечере» и другая, чаще всего опятьтаки: «Я когда была малешенька». В конце вечера жених, а за ним и все остальные гости подносят подарки невесте, за что она должна всех их поцеловать, после чего все гости отправляются к жениху пить чай» [99, с.18-19].

Подробное описание девичника **в казачьей среде** встречаем у Ф. Зобнина.

- «К отцу невесты является дружка и обращается к нему с такими словами: «Мы прибыли благополучно, благополучны ли вы?!» и просит поспешить устройством девичника. Если жених и невеста живут в одном и том же поселке, то дружка и поезжане перед девичником собираются в доме жениха, если же нет, то где-нибудь на квартире.

Между тем, отец, пригласив на девишник своих родственников, посылает сказать дружке («Докладывает», как говорят казаки), «гости готовы, пожалуйста!» и дружка с женихом и поездом направляются к невесте, неся с собою выговоренные на зарученьи дары и вино.

Подойдя к двери, дружка «творит Иисусову молитву» три раза. Отец невесты, стоя в избе и держась за скобку, после третьего раза отдает, т.е. произносит «аминь!» Дружка со словами: «Аминь спасет и помилует!» входит в избу с женихом и поезжанами. Остановившись в комнате, он произносит: «Батюшка родимый, матушка родимая! Благословите нашего молодого князя со всем храбрым поездом, со мной легким друженькой зайти за столы дубовы, за скатерти браны, за яства сахарны!» Родители невесты говорят: «Бог благословит!» и дружка усаживает поезжан за стол, после чего вновь обращается к родителям невесты: «Батюшка родимый и матушка родима! Просит наш молодой князь молодую княгиню за единый стол хлеба-соли кушать!» Сваха берет невесту за руку и ведет ее за стол к жениху.

Дружка ведет свою линию и вновь начинает: «Батюшка родимый, матушка родима! Прошу покорно указать, кто родом выше, сердцу ближе зелена вина подать, гостей угостить, чтоб веселей говорить!»

Отец невесты, вместо ответа берет своего пива или вина и угощает своих родственников, начиная с ближайших и старших. Следуя указанному примеру, дружка берет «мерки» (так называют стаканчики), наливает вина и начинает обносить гостей, предварительно угостив самого отца невесты.

Раз начало сделано, угощение дальше идет своим чередом; мерки бойко переходят от одних к другим, от старого к малому, затем к женщинам и девочкам, пока каждому приглашенному не попадет по пяти или по шести мерок. Обнести всех гостей вином или пивом один раз называется рядовкой, так что дальнейший счет идет уже рядовками. Вино и пиво на этот раз должен давать жених, а с невестинной стороны полагается закуска и чай. В некоторых поселках принято, чтобы сваты до тех пор угощали невестину родню, пока невеста не скажет «довольно».

Гости сидят за столами до тех пор, пока не подадут курник, но как только появится на столе это кушанье, гости спешат благодарить отца с матерью за угощение и покидают столы.

Пишущему эти строки известно, что во всей Западной Сибири, от Уральского хребта до стен недвижного Китая, простой народ на всех торжественных обедах смотрит на курник, как на конец обеда и даже сложил поговорку: «Куршик-выгонщик, из-за стола долой!».

Жених из-за стола идет за невестой, удалившейся, по требованиям свадебного ритуала, с глаз собравшейся публики, в куть. Здесь он дарит ее шалью, головным убором, ботинкам и серьгами. Вслед за женихом подходит дружка, за ним поезжане и тоже подносят дары, причем определенных указаний на счет подарков в этом случае не существует: дарят, кто чем может.

После одаривания невесты подносит подарки родителям невесты, братьям и сестрам ей, как это было условлено на рукобитье.

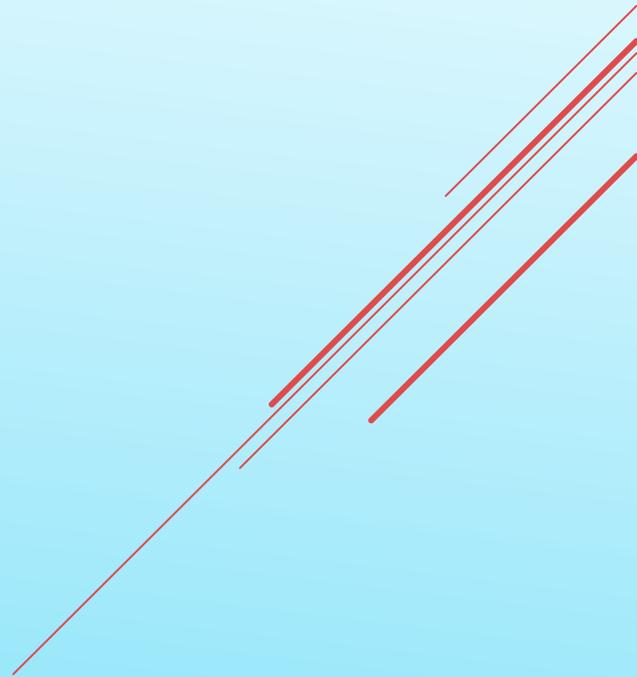
Когда эта процедура окончится, отец и мать невесты сейчас же приглашаются к жениху на перепоины. Жених тоже спешит домой, чтобы встретить и принять будущего тестя и тещу с родством. Здесь он подносит всем гостям по рюмке вина и затем вновь возвращается к невесте проводить остаток вечера в обществе ее и окружающей ее молодежи, предаваясь веселью, песням и пляске.

Во время девичника, пока гости и поезжане сидят за столами, девицы, окружающие невесту, составляют хор и поют установленные обычаем песни, за которые гости должны дарить девицам деньги» [36, с.5-7].

Бранье.

Наступал основной день свадебного обряда. У старожилов он назывался по северно-русски «бранье», у позднпоселенцев **день венчания**. Утро этого дня связано с причетами, которыми невеста будила подружек, ночевавших последнюю ночь в доме невесты. В переселенческом селе Линевское Смоленского района невеста плакала, сожалея о потере девьей красоты.

Ох, любезнай вы мои подруженьки,
И встанья вы, проснитесь,
И умойтесь вы ключевой водой,
И утретесь вы тонким белым полотенцем.
А я-то разгорькия,
Встала я, умылася горячей слезой.
А утёрлася я русою косой.
Подойдеть-то вясна красныи,
И расцвятутся цветы лазоревы,
И разольются реки быстраи,
И разовьются косы густые.
Ой, да пойдетья вы в лес за ягодой,
И не увидетья вы мою девью краснаю,
Ине сидит ли она под белой березой,
И не плятет ли она косу русаю.
И возьмита вы ее, приняситя,
И посадита вы во светлаю горницу,
К моей родимой мамушке,
Кормилице тятюшке. [67, с.15]

Часто в причетах звучал мотив беспокойства о будущей жизни в чужой семье, со свекром-батюшкой и свекровкой-матушкой.

Ох, и разлюбезны мои, да мои подруженьки,
Ох, и как-то вам спится, как вам дремлетя.
Ох, и мне-то не спится, да мне не дремлетя.
Ох, да на уме-то в меня, ох, да свекор-батюшка.
Ох, да на уме-то в меня, ох, да свекровка-матушка.

(с. Большая Речка Троицкого района, УФК 22)

В с. Белое Троицкого района «мать невесты будила девок, а невеста, проснувшись, причитала брату.

- «Я вот занялась утром рано, брат лежит на постели, я и тут начала плакать:
«Милый мой братец,
Спалась ли тебе темна ноченька?
А я не спала и не дремала,
А во сне я много видела...» [73, с.138].

В традиции старожилов-староверов мать будила утром дочку-невесту с причетом.

Один из важных моментов этого дня обряд расплетения косы.

- «Невеста девок подняла, пробудила их, одевает подвенечное платье, волосы расчесывает, ленточки ей повяжут. Косу может и мать заплести, и подруги. А как соберется к венцу, тогда ей косу расплетают. Плачут и поют. Косу заплетеную по прядочке расплетают. Стоит отец, мать, сестры, братья все подойдут. И подруги еще там... Всем поют одну и ту же песню» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22, 48 текст б).
- «Невесте косу расплетали перед венцом, она же идет под венец с расплетеной косой, она закрыта кашемировой шалью. Подруга любимая расплетала ей косу, может сестра ли есть или тетка, кто-то из родчих, из ближних, но не мать. Тоже причеты там были, плач. Мать причитала, но не кажня» (с. Белое Троицкого района [73, с.138]).

В XIX в. сибирячки выходили замуж в традиционном сарафане, рубахе и нарукавнике или фартуке. В начале XX в. их надевали только старообрядки, у девушек других этногрупп сарафан и рукава в женском свадебном костюме заменялись поздними парочками и «самолучшими платьями». На голову невесте надевали венок из бумажных или восковых цветов. К нему прикреплялись ленты, спускающиеся по спине. С целью оберега от сглазу невесту опоясывали ниткой, продетой от себя, подтыкали в подол иголки, одевали колечко. В некоторых старожильческих и переселенческих селениях невесту наряжали в новую парочку светлых тонов. У мужчин дольше сохранились вышитые рубахи, чаще косоворотки и полосатые штаны.

Дружки несколько раз приезжают узнавать готова невеста или нет.

- «Заходят в избу, проведывают, готова ли невеста. Если готова, она им выносит полотенца и повязывает. Дружке справа налево, полудержу слева направо. Они уезжают» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22).

В с. Белое Троицкого района дружки приезжали к невесте за рубахой:

- «дружка старший, дружка младший, невеста перевязывала их полотенцем: первый дружка на правую руку полотенце висит, второй дружка на левую руку висит; полотенца дарили. Дружки возьмут все, уедут, невеста тогда уж станет собираться по божьи... Ее благословят иконой». Забрав рубаху, дружки везут ее к жениху домой, а там ее продают. В то время, как дружки ездят за рубахой, жених сидит со свахой» [73, с.138].
- «Родители стоят перед столом: отец держит хлеб, мать икону. Сначала благословляют хлебом, потом мать передает отцу икону, он ей хлеб. Когда невеста кланяется, девки поют «Что не стук стучит» (49), потом садятся за стол» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22).

В с. Крутишка Шелаболихинского района невеста подходит к матери, отцу. Причитая, она просит благословения.

(у матери) «Родна мамочка моя,
Куда же собираешь ты меня?
Отделяешь от себя,
Я иду в чужие люди.
Милая моя мамочка,
Сорвала ты цветок рано,
Ппустила на воду.

(у отца) Родный батюшка,
Спасибо тебе за твои труды великие,
За твои заботушки,
Что собрали в добры люди меня.
Простите меня, Благословите меня (кланяется в ноги).

Родители благословляют дочь, подруги сажают ее за стол, за елку (украшенные веточки кустарника)» (с. Крутишка Шелаболихинского р-на, УФК 11) [67, с.5

У старожилов Алтайского Горного округа, по описанию С.И. Гуляева, «когда невеста оденется к венцу, собираются в комнату родители, братья, сестры и приглашенные на свадьбу родственники и знакомые. Она падает в ноги отцу и матери, испрашивает благословения их... Отец, оградив дочь знаменем креста, целует ее...» [19, с.299].

Далее благословляют мать, братья, сестры под пение девушек. «По окончании этого обряда невесту сажают за стол, а подле нее мальчика из братьев или родственников, который продает косу. Он держит в руках под столом плеть; у поселян сажают взрослого. Продающий косу называется косником» [19, с.300].

В свадебной традиции всех этногрупп, кроме казаков, свадебный поезд снаряжали в доме жениха утром в день бранья. У казаков это делали накануне вечером, а по утру горожане и родственники собирались к жениху на проводины.

➤ «Прежде чем отправиться в путь, жених должен получить благословение родителей. С этой целью дружка держит такую речь к отцу и матери: «Батюшка родимый, матушка родимая! Умели своего чада милого поить и кормить, обувать, одевать, на работу посылать, умеете благословить в путьдороженьку во матушку Божью церковь под златой венец стать, закон Божий принять!» Отец и мать говорят «Бог благословит!» и приступают к благословению жениха.

С этой целью они идут за стол, берут икону, хлеб-соль и через стол поочередно благословляют жениха иконой и хлебом-солью. В момент благословения полагается пальба из ружей в комнате и на дворе.

После благословения дружка выводит жениха и поезд на двор и, обращаясь к собравшейся толпе, говорит: «Батюшка родимый и матушка родимая, старые старички седья бородушки, старья старушки, молодые молодцы и молодья молодушки, красныя девицы узорныя мастерицы, горшечныя пагубницы, материны досадницы, маленькия ребятки синеньки заплатки, об аны пятки! благословите нас во путь во дороженьку, во матушку во Божью церковь, под златой венец стать, закон Божий принять!» Толпа хором отвечает «Бог благословит!» и вновь раздается ружейная пальба.

Поезд направляется в следующем порядке: впереди едет дружка с полудрузьем, за ними бояре, далее жених с тысяцким и, наконец, сваха с повозником.

Ф. Зобнин, обращает внимание на то, что в казачьей среде поезжане в этот день одеваются «на особый лад» а именно:

- «принято, чтобы у всех поезжан на шее была шаль, которая скрестившись на груди, затыкается концами сзади. В прежнее время нарядной одеждой были халаты, а ныне халаты сменились пиджаками. В некоторых местностях уезда поезжане носят шаль во все продолжение свадебного веселья и в настоящее время, а в других только во время бранья. Дружка сверх скрещенной шали имеет еще плеть за опояской» [36, с.10-11].

Детальное описание сборов жениха, оповещение родственников об их участии в свадебном поезде встречаем у С.И. Гуляева.

- «В доме жениха... когда все усядутся по местам, дружка говорит: «Батюшка родимый! Матушка родима! Умели вы своего чада мила хороша спородить, вздумали поженить: благословляйте буйну голову чесать, черны кудри завивать, цветное платье надевать; станем к нему княженецкий полк подбирать: кому быть тысяцким? боярином большим, средним и меньшим? вежливым человеком? дружке с полудружьем, княжой свашеньке?» «Бог благословит», отвечают отец и мать.

После этого жениха выводят из-за стола, и он начинает потчевать вином; дружка наговаривает: «Бьет челом наш князь молодой, с княжева стола, княжим медом! Тысяцки надвещают. Больши бояре на ногах стоят, а мы, резвы дружки, во светлой светлице похаживаем; ножки с подходом, ручки с подносом, язык с приговором, сердце покорно, а голова наклонна. Извольте горнц принять из горнца мед выкушать; пить до дна, а молить добра; буйну голову взвеселите, ретиво сердце обкатите, не будьте кручинны, а будьте радошны, от нашего князя молодого ласковым словом потешны!»

Дружка приговаривает это до тех пор, пока жених не употчевает вином всех; после того требует себе приглашенного заранее на этот случай полудружья, говоря: «Батюшка родимый! Матушка родима! Все у нашего князя молодого князя, бояре, веселы и радошны по местам сидят; только не весел, не радошен храбрый друженька: нет у него полудружья! Дайте ж мне из лучших лучшего, из всего княженецкого храброго полку и поезду полудружья!» (назовет его взвеличает).

После этого дружка с полудружьем отправляются верхом на лошадях попроведать невесту. Подъехав к избе, дружка стучит в красное окно плетью, творя громко молитву. «Господи, Иисусе Христе и сыне божий, помилуй нас!» Ему отдают из избы аминь. Дружка говорит: «Спасибо на аминь; аминь нас спасет, аминь помилует! Мы ездим не оханьщики, не обманщики, не московски рассказчики, не морски рыболовщики, не грозны гонцы, а ездим скоры послы от нашего князя молодова, с добрыми вестьми, с хорошими речьми! Наш князь молодой стоит на пути на дороге, на доброй квартире: с места не шевелится!»

Отъезжают от окна, сходят с лошадей и, привязав поводья к кольцам, всегда вколачиваемым на верях ворот, идут в сени. У дверей избы дружка говорит: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!» Ему отдают аминь. Дружка говорит: «Спасибо на аминь: аминь нас спасет, аминь помилует! Есть ли у вашего здоровья у дверей придверники, чашники, ложники, блюдники, рядники, скоры поспешники? Если нет у вашего здоровья придверников, чашников, ложников, блюдников, рядников, скорых поспешников благословляйте нас, переезжих, храбрых дружек («Господь благословит», отвечают из избы), за реберчату (виту) скобу взяти, двери на пятау отворити, первый жар пропустити».

Дружка с полудружьем, перекрестясь, входят в избу, ступая через порог правою ногою, говоря: «Скок! Через порог едва ноги переволок дружка с полудружьем; чирок да луток, мохнатый зверь на богатый двор!» Помолясь богу, дружка обратившись к отцу и матери невесты, говорит: «Богоданный батюшка! Богоданная матушка! Благословляйте нас, переезжих, храбрых друженек, за белодубову скамью переступити, стакан меду налити, по светлой гридни походити (наливает стакан пива и, опрокинув на ладонь вверх дном, подносит невесте) в куть за занавеску до кручинной красной девицы сходити. Вот! Сказали, что наша невеста крива и слепа! А хорошо видит, далеко смотрит!» Невеста, оборачивая руку дружки, берет стакан и, выпив, отдает обратно; дружка, принимая, говорит: «Вашим добром, да вам же и челом! Жив и здоров наш князь молодой; велел вашему здоровью челом ударить и челобитье справить!» Потом отправляются к жениху, где дружка, входя с молитвою, говорит: «Наша княгиня молодая жива и здорова; велела вашему здоровью челом ударить, челобитье справить», Садятся за стол и по лавкам; немного погодя встают и молятся богу, дружка говорит: «Господи, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас! Батюшка родимый! Матушка родима! благословляйте нашего князя молодого по сужено ехать, сужено понять, под злат венец встать, закон божий принять, златым перстнем поменяться и во уста сахарные поцеловаться! Братья, сестры, дядья, тетки, кум, кума, весь род-племя, гости званы и незваны, почтенны и богом сплюбовны! Во всю светлую светлицу, светлую гридню! Благословляйте нашего князя молодого по сужено ехать, сужено понять, под злат венец встать, закон божий принять, златым перстнем поменяться, в уста сахарные поцеловаться. В куть по лавице, вперед по скамеице, за берчатой занавесью сидят певичцы, молодые молодницы, красные девицы, пирожные мастерицы, дочери отецки, жены молодецки, лебеди белы, малины зрелы, изюмные ягодки, наливные яблочки! В кути на полатях сидят стары, старики сапаты, горбаты, косые заплаты, старые старухи килваты, маленькие ребята пирожные осадчики, материны опачки, урви-ковригу! Сами сдогадайтесь!» Родители благословляют жениха ехать за невестой» [19, с.300-302].

От дома жениха свадебный поезд провожали под пение приуроченных к такому моменту песен. В традиции поляков исполняли «Все кони под коврами» или «Уряди». На пути свадебного поезда «чинились» всякие препятствия заламывали дорогу жердью, заваливали ворота невесты санями и т.д. Поезжане должны были откупиться, чтобы их пропустили. Для этого они везли с собой угощение, пиво. У дома невесты свадебный поезд также встречали песнями.

➤ «Когда поезд приедет к дому невесты, дружка у красного окна стучит плетью, говоря: «Господи, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас!» Из избы отдают аминь. Дружка продолжает: «Спасибо на аминь; аминь нас спасет, аминь помилует! Мы ездим не оханьщички, не обманщички, не московски рассказчички, не морски рыболовщички, не грозны гонцы, а ездим скоры послы с добрыми вестями, с хорошими речьми от нашего князя молодого. Дайте нашему князю молодому двор широкий на приезд, новы сени на приход; прибыл наш князь молодой, к вам на широкий двор». Заезжают на двор и выходят из экипажей, а дружка снова подъезжает к окну, требуя караульного следующим образом: «Господи, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас! Просим нашего повозничка сменить, а своего посадить». После этого, привязав к кольцу лошадь, идет впереди всех в сени и, остановясь у дверей комнаты, стучит в них плетью, творя тут же, как и прежде, молитву. Когда отдадут аминь, дружка говорит: «Спасибо на аминь; аминь нас спасет, аминь помилует! Есть у вашего здоровья у дверей придверники, блюдники, рядники, скоры поспешники? Если нет у вашего здоровья у дверей придверников, чашников, ложников, блюдников, рядников, скорых поспешников, благословляйте («Господь благословит», отвечают из избы), за реберчатую скобу взять, двери на пятау отворити, первый жар пропустити». Отворяя дверь, говорит: «Скок! Через порог едва ноги переволок! Дружка с полудружьем; чирок да луток, мохнатый зверь на богатый двор; прибежал соболь к куннице, а приехал удалый молодец к красной девице!» Потом молятся богу...» [19, с.300-304].

В казачьей традиции

- «при въезде на невестин двор дорогих гостей встречает невестина сваха с рюмками вина, которым она угощает приезжих, а затем оставляет их. Отец невесты берется за скобку двери изнутри, заграждая вход. Дружка, став перед дверью, говорит три раза «Иисусову молитву»: после третьего раза отец отдает «аминь», а дружка говорит: «Аминь спасет и помилует» и входит с женихом и поезжанами в дом» [36, с.11-12].

На приезд свадебного поезда в свадебных традициях большинства этногрупп пели песню «Налетели черны вороны» (в поляцких селах «Хмель во саду увивается» и «Не было ветров» [64, с.92]), основным сюжетом которой являлась разлука черными воронами (чужим родом-племенем) невесты с отцом и матерью, братьями и сестрами.

У риддерского населения во время исполнения этой песни невеста ведет диалог с отцом:

Невеста: «Батюшка, жених-то у ворот!

Отец: Не убойся, дитяtko, не отдам.

Невеста: Батюшка, жених-то у крыльца!

Отец: Не убойся, дитяtko, не отдам.

Невеста: Батюшка, жених-то у стола!

Отец: Иди с богом, дитяtko!

Поезжане заходят в избу, и начинается выкуп невесты, называемый **у старожилов-бранье**. Невеста сидит за столом, слева от нее брат, если брата нет, то какой-нибудь мальчик из родственников; справа сваха либо крестная невесты (иногда и то и другое в одном лице). Их окружают подружки невесты, помогавшие готовить приданое, шить наряды. У брата коса, которая лежит на тарелочке либо подносе (у поляков). Косу делали у поляков из льна, украшали лентами и бисером [64], могли привязать колокольчики (Усть-Канский р-н), в переселенческой традиции из соломы (с. Большая Речка), осоки (с. Хомутино) и также перевивали ленточкой.

Начинался выкуп косы.

У казаков Усть-Каменогорского уезда он происходил следующим образом.

- «Дружка берет в руки плеть, находившуюся у него за опояской и, страшая ею, пробуется разогнать из-за стола телохранителей невесты. Сначала он набрасывается (шутя, конечно, для церемонии) на повозника: «Ты зачем сюда попал?! Пошел прочь, иначе задеру!» Тот огрызается, как умеет, но с места не сходит. Дружка, наконец, как бы увидав, что силой ничего не взять, пускается на хитрости: он подносит повознику стакан вина, тот начинает ломаться и от вина отказывается. Тогда дружка прибавляет к вину еще рубль денег за косу и повозник становится мягче: пьет вино, берет деньги и выходит из-за стола.

Увидя это, невеста начинает голосить: «Родимой братец! Позарился на золоту казну, продал мою русу косоньку» и т.д.

Разделавшись с повозником, дружка обращается к девицам: «а вам чего надобно? Чего ждете?» Нам нужно за работу, откровенно изъясняются девицы. Стоимость подарков для девиц или небольшая сумма денег заранее определяются отцом невесты на зарученьи, и потому желания девиц дружке давным-давно известны, но он все равно попробует отделаться стаканом вина, который он и подносит девицам. Затем уже видя, что хитрость не действует, кладет условные деньги или подарки. Девицы пьют вино из общего стакана, берут деньги и выходят из-за стола, покидая невесту [36, с.12-13].

С.И. Гуляев приводит следующее **описание бранья невесты у старожилов Алтайского Горного округа.**

- «Когда дружка с поездом войдет в комнату, тогда, сотворив молитву, обращается к отцу и матери невесты, говоря: «Богоданный батюшка! Богоданная матушка! Дали вы нашему князю молодому двор широкий на приезд, новы сени на приход, светлу гридню на обогрев: дайте ж нашему князю молодому и княжое место, где княжо место ведется в переднем углу, под святыми иконами. Да нет ли в княжом месте поместников?» «Есть видно», отвечает шутливо отец невесты. дружка, налив стакан или рюмку вина, сыплет, бренча, на поднос деньги, и, подавая коснику, просит выпить. Косник, не отвечая ничего, грозит плетью, и дружка снова сыплет деньги, что повторяется несколько раз или до тех пор, пока не будет положено достаточно. Косник, принимая поднос, прежде всего, должен ссыпать с него деньги, а потом выпить вино, в противном случае он лишается и денег и места; конечно, первого никогда не бывает. Когда коса у невесты таким образом будет куплена и косник выйдет из-за стола, вместе с девушками, подругами невесты, которым также как и коснику, дружка подносит вино или наливку, положив на поднос мыло, калачи, деньги и какие-либо по состоянию жениха подарки, тогда сваха, расплетая косу, садится с женихом подле невесты в это время поют» (песни с мотивом расставания с девьей косой) [19, с.305-306].

У староверов драматургическая структура бранья зависела от типа свадьбы. Поскольку венчание в церкви отсутствовало у беспоповцев, чин бракосочетания совершался на дому во время бранья.

➤ «Для бранья невесты к жениху собираются гости, родные и знакомые, и всей гурьбой, вместе с женихом отправляются в дом невесты. Их встречают хозяева со своими гостями и усаживают за стол. Тогда жениховы родители заявляют, что они явились за тем, было прошено, и требуют, чтобы им отдали невесту, которая до той поры прячется в другой комнате. За нею отправляются свахи и подводят к жениху. Дьяк, начетник или свой священник, если таковой имеется, читает молитвы и псалмы, соответствующие случаю, положив псалтирь на наклоненные головы жениха и невесты, и затем благословляет их, после чего они подходят под благословение родителей невесты. Те благословляют их и в сопровождении всех гостей и дьяка отводят их в дом жениха.

Придя туда, все усаживаются за стол, кроме молодых, которые становятся в передний угол. Дьяк снова кладет им псалтирь на головы и читает молитвы, по окончании которых благословляет кичку (При венчании кичку приносят в церковь; священник кладет ее в алтарь, а после венчания отдает свахам, которые и одевают ее в церкви же на новобрачную), которую тут же надевают на голову невесты, после чего молодых благословляют родители жениха, а затем начинается «столование», причем дьяк (или поп) садится рядом с женихом, а возле него отцы жениха и невесты; матери садятся рядом с невестой.

В это время гостей угощают вином, и каждый угощаемый должен сделать какой-нибудь подарок молодым. Расходятся только к ночи» [100, с.60-61].

У староверов-церковников, к которым принадлежали и «поляки», бранье обнаруживает сходство со старожилками, хотя эмоциональный настрой здесь более веселый. У поляков также, прежде чем выкупать косу, принято было выкупить место сначала у подруг невесты.

➤ «Поезжане становились под полатями и начинали разговор:

Это что тут собралась за публика? Кто вас насадил? Опростайте столы.

Мы не вами тут посажены, отцом-матерью, а третьей невестушкой.

А что вам нужно?

Курничек и бутылку вина.

Девушкам дают это, и они идут в другую комнату. Жених садится за стол, дружка говорит: «Разрешите стол раскрыть, начало дела совершить» [64, с.93]. Далее выкупают косу у брата, который обычно «сидит с плеткой, украшенной лентами, стучит черенком ее по столу, требуя выкупа. В с. Черемшанка делали куклу с колокольцами, а в с. Туманово наряжали куклу и веник с колокольцами. Звонили, пока не хватит выкупа.

Дружка подносит брату стакан пива, а тот не берет его:

У нас дом-то крытый,

Да гвоздями прибитый,

Надо закрыть.

Дружка закрывает его сначала рублем. Брат не берет, стучит:

Без монеты косы нету,

Без пятитки не пойдет,

Без покрышки мышь падет. (с. Екатерининское Третьяковского р-на [64, с.93])

Аналогичная вышеприведенной, а также нижеследующая приговорка записаны и в с. Черный Ануй Усть-Канского района.

Мы люди не важные, берем деньги бумажные.
Мы люди костяные, берем деньги хоть какие:
Бумажные, медные серебряные. (УФК 15)

«Бумажные деньги положат брат их сдует, надо золотую или серебряную монету положить.

В с. Екатерининском на выкупе подруги пели:

Дорожись, братес, ой, дорожись,
Бяри за сястру да сто рублей,
За косу да тысящу,
За бело лицо да сметы нету.

А как продаст брат косу встает, выпивает стакан, отдает косу и выходит из-за стола. Тогда девушки поют: «Татарин, братес, татарин, Продарил сестру да з дары...

У кержаков Красногорского р-на было принято девушкам одаривать поезжан, начиная с дружки, за исключением жениха. Подавали каждому стакан, накрытый маленькими штанишками, рубашкой, кисетом, полотенчиком или платочком. Выпив, в стакан клали деньги. «Крестный продает косу. Сплетут из осоки косу, ленточки завяжут и на плечи оденут. Невеста сидит. Те рядются, он покажет косу. Как накрыли стакан рублем, так они поднимаются и бояре садятся» (УФК 29). мелочью и возвращали его. Подаренные маленькие вещички прикреплялись на груди у поезжан, а у жениха выкупленная коса.

После этого девушки начинали выходить из-за стола и старались увести за собой невесту, чтобы жениху пришлось ее выкупать. Жених должен был успеть накрыть ее платком вперед старающихся сделать то же самое мальчишек. Когда накроет, девушки запевали «Отставала лебедь белая» [64, с.93].

Окручивание.

За угощением вином следует угощение чаем, после чего **в старожильческой традиции** полагалось «окручивать» невесту т.е. **заплести волосы в две косы и надевать убор замужней женщины** (у крестьян шамшуру, кокошник, кичку; у казачек наколку). Команду к окручиванию вновь подает дружка. «Батюшка родимый, матушка родима! Благословите косу на двое раздвоить!» Отец и мать благословляют» [36, с.20].

Невесту окручивали в переднем углу, закрыв от лишних глаз. «Свахи, закрыв невесту со всех сторон платками или чем-нибудь, начинают окручивать ее, т.е. плетут две косы и, окрутив вокруг головы, надевают шамшуру (кокошник) и повязывают платком» [19, с.313].

«Свахи плетут молодой две косы, потом надевают наколку, а в прежнее время завязывали голову косыночкой. Подобное окручивание молодой происходило скрытно от зрителей, под прикрытием растянутой шали. По окончании окручивания молодых открывают, подают зеркало и говорят: «Посмотритесь, стоит ли один другого?» Молодые смотрят и затем целуются, а публика кричит: «стоят, стоят!» [36, с.20].

«Между тем дружка, сотворив молитву, говорит: «Батюшка родимый, матушка родима! Благословляйте нашу княгиню молодую снарядить, оболочи (облечь, одеть), белу кикоболку (кокошник) наложить, в нову спальню спать положить». Потом обращается с этими же словами ко всем присутствующим в комнате, подобно тому, как и во время благословения жениха родителями перед отъездом в церковь. После окручивания обедают, а неприглашенные к тому гости и девушки, подруги молодой, идут домой [19, с.314]. Невесту окручали в переднем углу, закрыв шалью. Свахи или кумовья заплели две косы, укладывали их вокруг головы и одевали женский головной убор шамшуру» [64, с.93].

«Молодую затают шалью, в передний угол проведут, две свахи с ее, с яго стороны и два поезжанина. Эти свахи закручивают, с ее снимают все, в чем она венчалась. Вот тогда припасенные кички, наши были «рогатки» и надевали на голову молодой» (А.М. Юрьева, Солонешенский р- н, с. Сибирячиха) [5, с.20].

«После венца невесту «окручивали», т.е. укладывали волосы и покрывали голову «по-бабьи», а после этого все гости садились за столы» [10]. «Когда приезжают к жениху домой, садятся, проходят бояре человек 8, тоже садятся вокруг стола. Невесту закрывают шалью, косы заплетают, помолодушечьи завяжут шелковым полушалком, тогда молодых окручивают, поздравляют с законным браком» (с. Хомутино Целинного р-на, УФК 29).

После окучивания поют песню «Семена». Она бытует в свадебном обряде как у старожилов, так и переселенцев. Ф.Ф. Болонев указывает на то, что пение широко известной песни «Семена ли мои, семена» во время обряда окучивания было обязательным, поскольку она имела магическое аграрнопродуцирующее значение.

«Элементы обрядности, связанные с применением зерна семени, очень распространены в аграрной и свадебной тематике, их функциональное значение было весьма разнообразным: они выражали не только идею богатства, благополучия, достатка, здоровья, молодости, но и, прежде всего, служили символом плодородия, обновления и вечной жизни. Не случайно иногда брачное ложе устраивали в овине, на снопах, на мешках с зерном» [12, с.38].

В староверческой свадьбе при окучивании пели «Уж как на море, на морюшке» и «Не трубонька трубила рано на заре» (41). В первой трети XX в. в с. Большая речка Троицкого р-на, населенном старожилами-сибиряками и позднепоселенцами, молодые после венчания приезжали в дом к жениху. Их сажали за столы, и сразу же «девки» пели «Здравствуй, князь новображной» (50). После этого угощали всех, а «девки пели невесте, которая еще не знает ни свекора, ни свекровь «Ишшо свет наш аленький светочек» (51). Дальше обыгрывали «большева» дружку, «меньшева» дружку, большую и меньшую свашеньку (большая свашенька от жениха, меньшая от невесты). Затем окучивали молодую: «Сваха его и ее крестный окучивают за шалью. Два парня стоят, держат платок либо шаль одной рукой и свечи другой. Девки поют песню «Семена» (41). Парни кисточку от шали возьмут, зажгут от свечи, шаль горит тушить надо. Тогда стопочку подносят» (с. Большая Речка Троицкого р-на, УФК 22).

После окучивания сваха и дружка вели молодых на подклеть (отдельная изба, горница или кладовая, где для молодых приготавливалась брачная постель). Уход молодых в переселенческой традиции сопровождался песней «Как по погребу бочоночек катается» (67). Сваха помогала молодой раздеться, а та должна была разуть мужа в знак покорности. Сваха с дружкой поднимали молодых через несколько часов или на следующее утро, молодую выводили в одной брачной сорочке либо выносили сорочку на показ гостям для удостоверения в «честности» невесты.

После этого созывали к столу родственников с обеих сторон, приглашали родителей невесты, благодарили их за «хорошее воспитание» дочери».

- «После обеда тысяцкий отпирает комнату; новобрачных раздевают и ведут на подклет, поставя там вина и закуску. Потом, заперев на замок дверь, возвращаются продолжать пирушку. Через несколько часов, а иногда и на другой день поутру, подняв молодых, выводят к гостям. Все поздравляют их, целуясь; пьют за здоровье их, поют, веселятся всю ночь; особенно, если новобрачная окажется достойной такой радости. Молодая у крестьян выходит в одной рубашке и угощает гостей вином. Если молодых кладут в подклет на время, то свахи, после поднятия с подклета, сняв с молодой рубашку, привозят ее немедленно с тысяцким и некоторым из поезжан к отцу и матери, благодарят за воспитание дочери и просят к столу; в противном случае эта церемония делается поутру» [19, с.314].
- «Дружка спрашивает: «Батюшка родимый, матушка родимая! благословите нашего молодого князя с молодой княгиней на законную ложу положить!»

Отводя молодых на «законную ложу», поезжане присутствуют при раздевании их, причем убеждаются в чистоте белья новобрачных.

На целомудрие молодой жители, как мне удалось убедиться из их рассказов, смотрят с условной точки зрения, придавая значение показной стороне. Для стариков, да и для других свадебных гостей на первом плане стоит ничем не смущаемое свадебное веселье, которое возможно только тогда, когда все идет тихо и гладко. Поэтому в обязанности дружки, между прочим, входит забота о предоставлении всякой новобрачной таких средств, которые бы свидетельствовали перед глазами непосвященной публики о ее целомудрии. В этих видах предусмотрительный дружка всегда пытается новобрачную, конечно, по секрету: надеется ли она на себя? И в случае отчаяния приходит на помощь.

При благоприятном исходе выход молодых встречается приветственными криками собравшихся: «добра, поведенна!» и затем девственность новобрачной всячески манифестируется. Молодые угощают вином родителей и поезжан. Затем брачная сорочка завязывается в платок и отец и мать молодого с поезжанами едут с песнями и красными платками на дугах благодарить тестя и тещу за содержание дочери. При этом берут с собой водки никак не менее 2 штофов» [36, с.20-21]. Ритуал оповещения свадьбы о честности невесты сохранялся и в первой трети XX в. Так у староверов с. Черемшанка Солонешенского р-на невесту выводили к столам в брачной рубашке, в Красногорском р-не рубаху выносили на всеобщий показ гостям свадебного застолья. Если невеста была честной били посуду, а жених подавал родителям молодой из бутылки, наряженной в бордовое платье, с бантом, и благодарил их, если нет на поднос ставили стаканы без дна и наливали в них [64, с.94].

У казаков после «законной ложи» начинались дары гости дарили подарки молодым на обзаведение собственным хозяйством. казаков это угощение называлось «большим столом».

➤ «молодые созывают к столу родственников с той и с другой стороны. Главный стол в этом пиршестве составляют молодые и их родители. Им прислуживает сам дружка. После некоторого угощения, 3-4 рядовок, молодые выходят из-за стола и берут вино. Первоначально подносят вино отцу молодого и его матери. Отец пьет и кладет приданое, большей частью лошадь, мать корову; тесть, в свою очередь, дарит лошадь. Теща корову; ближайшие родственники новобрачных тоже кладут приданое: кто теленка, кто овечку, кто деньги, а то и курицу, смотря по степени зажиточности и тороватости. Затем обносят поезжан. Поднеся рюмку, молодые кланяются в землю и лежат до тех пор, пока принявший вино не назначит приданого. Подавши рядовую, молодые снова садятся за стол.

На большом столе полагалось ставить следующие кушанья:

«холодное, курники из мяса и свиного тука, убранные цветной бумагой;
жареное мясо, жареных гусей, уток, поросенка, убранного цветной бумагой;
картофель, залитый яйцами;
пряженники (так называются пирожки с мясом), пашкетики (пирожки с разными ягодами), пирожки из яиц, моркови, брюквы.

Затем подаются разные горячие блюда: похлебки из мяса, свинины, птицы всего не менее трех похлебок. Печенье на масле с чаем» [3 с.22].

Когда угощение придет к концу, невестина сторона говорит: «довольно». После этого наступает очередь угощать вином для поварихи. Ей кладут деньги три копейки, копейку» [36, с.21-22

У переселенцев чествовали тех, кто готовил угощение, в начале свадебного застолья:

- «Дружка их призывает, этих всех стряпок, которые на стол подают: «Постряпушка, поварушечка, подойди поближе, поклонись пониже». они подходят. Поздравляют молодых, им подают водку» [73, с.139].

В XX в. в среде **староверов** принято было отводить стол сразу же после окручивания. В.И. Мотузная, согласно сообщениям информаторов, пишет, что «сначала столовались свахи и дружка, затем гости с жениховой стороны, потом со стороны невесты. В Третьяковском районе сначала невестина родня.

Девушки величали гостей. В с. Екатерининском подруги невесты обходили всех гостей с припевками «У нас горлушки пересохли», «У кармашках деньги шевелятся» жениха величали песней «Еще кто у нас во пиру сидит», «Кто у нас был хороший». После этого девушки покидали свадьбу, а дружка со свахой уводили молодых на покой [64, с.94].

У староверов-беспоповцев с. Куяча послесвадебный обряд с дарами проводили не сразу после бранья. Невеста должна была пожить у мужа два месяца. Лишь потом молодые приглашали гостей в гости к себе в дом на свадьбу.

«Гости собирались, посылали за отцом и матерью молодой. Их встречали муж со своими родителями и предлагали красное вино. Затем все входили в дом, родню молодого рассаживали в избе, а родню жены в комнате. Начиналось столование с дарами. Деньги передавали жениху, подарки невесте. Так обходили сначала родню со стороны невесты, потом со стороны жениха. На другой день снова созывали родню и продавали пирог кто даст больше. На третий день собирали «расхожий» стол. Так совершали свадьбу без участия священника» [50, с.217].

Послесвадебные обычаи.

На второй день молодые отправляются к тестю на блины, после чего гуляют у родственников.

➤ «На другой день молодые посещают родственников и знакомых. После того отправляются к тестю на блины; то есть к столу, к которому приглашаются все родные и почетные лица из знакомых; потом поочередно отводят вечерние столы, если имеют возможность к тому. Тысяцкий и поезжане угощаются женихом после первого стола» [19, с.314].

➤ «На другой день после венчания гости собираются к похмельному столу. Угощением и на этот раз занимаются дружка и поезжане, причем необходимую принадлежность похмельного стола составляют пельмени. После похмельного стола дружка требует особаго стола себе и поезжанам. За этим столом прислуживают родители молодого. Гости сытые и пьяные продолжают веселиться кто во что горазд: они поют песни, пляшут и пр. По окончании стола дружка получает от молодого в подарок бутылку водки, накрытую платком и курник. Подарки дружка несет к себе домой и приглашает за собой свадебных гостей.

Таким образом составляется стол у дружки. Примеру этого последнего следуют другие поезжане: тысяцкий и бояре сзывают к себе гостей. После поезжан гулянка расплывается по родственникам молодого. Когда гулянка в этом направлении истощится, тесть должен пригласить к себе на блины.

Настряпав блинов в достаточном количестве, их расставляют на всех столах в доме. Молодой должен сесть за тот стол, где блины прикрыты шалью или материей на платье для молодухи. Сядя за стол, молодой кладет деньги и таким образом, как говорят, выкупает блины.

Угощение вином тесть начинает с зятя, который пьет вино пополам с новобрачной из одного стакана, затем закусывает блинами. Потом тесть поит вином отца и мать новобрачного, а молодые подносят блины на закуску. Таким образом угощают всех собравшихся тесть водкой, а молодые блинами.

После блинов у тестя, гулянка переходит в семейства его родни.

В конце концов, по окончании всего этого, обе стороны созываются молодыми к себе на расхожий стол. Здесь отец молодого благодарит своих родственников и в особенности новаго свата, что помогли ему устроить и сыграть свадьбу как следует, по закону» [36, с.22-23].

В традиции **поляков** XIX в. на другой день молодые и родители жениха отправлялись за приданым к родителям новобрачной, там снова начиналось угощение, после чего «выдавали» приданое и новобрачные отправлялись домой. Потом каждый из бывших на свадьбе гостей поочередно устраивал у себя пир, и «гулянки» продолжались иногда очень долго [100, с.61].

В свадебной традиции **староверов** XX в. на второй день родные молодой дарили родственников молодого. В дом молодой ездили на «блины», которые молодой выкупал. Гуляли сначала по родственникам «жениха», а через одну-две недели «справляли переездины или отгулины у невесты. Там бросали деньги мелочью в солому, и молодая выметала, а ей мешали. Под конец свадьбы жгли солому. Толстые сваты самые близкие родственники ходили к жениху «ложки мыть», угощаясь напоследок» [64, с.94].

Позднепоселенцы, прибывавшие на Алтай большинством с юга России и Малороссии, первое время различали свадьбу по-сибирски и по-российски, где свадебный ритуал отличался более радостным характером. Первое время они устраивали свадьбы так, как принято было на местах их первоначального жительства. Но уже в первое десятилетие обоснования новоселов в Сибири некоторые обрядовые действия свадьбы старожилов и переселенцев стали переплетаться между собой (особенно в поселениях смешанного типа).

Обряды **поселенцев** не заменялись полностью старожильческими, а включались в свадьбу как отдельные элементы. В XX в. практически повсеместно на второй день бракосочетания испытывали молодую: заставляли мести сор с подбрасываемыми в него деньгами, угощать гостей и родителей, ходить по воду и т.п. Много рядились и с песнями-плясками ходили по селу, катали родителей невесты, вываливая их в сугроб либо лужу. Чтобы прекратить подобные шутки, молодые откупались, угощая вином или водкой. Все эти шуточные обычаи были переняты от переселенцев и прижились в свадебном ритуале старожилов.

Заметим, что в отличие от русских позднепоселенцев, новоселы из Малороссии и воронежские «хохлы» традиционный обряд свадьбы «весилля» сохраняли до 70-х гг. XX в.

Наиболее отличительным моментом от старожильческой свадьбы здесь является день венчания. Молодые после венца возвращались каждый в свой дом, а лишь затем снаряжался поезд жениха для выкупа невесты и ее переезда в дом жениха 15.

Итак, схематический свод свадебной обрядности всех этногрупп как старожильческих, так и позднепоселенческих позволяет выявить его типовые черты и локальные особенности.

Весь ход свадебного действия условно можно разделить на несколько этапов:

- досвадебный, в который проходит сватовство, сговор, осмотр хозяйства жениха;
- предсвадебный (сводины, девичник);
- собственно свадебный: довенечная часть сборы к венцу, послевенечная отъезд в дом жениха, окручивание молодой, укладывание молодых;
- послесвадебный: подъем молодых, обычаи на проверку молодой по хозяйству.

- К выбору жениха и невесты относились очень серьезно, обычно подбирая пару из той же социальной среды. Наиболее строго этот принцип соблюдали казаки. Решающая роль в этом принадлежала родителям, лишь в этногруппе поляков браки заключались по взаимному согласию молодых.
- Общим в досвадебный период являлось наличие самого сватовства. Как локальный вариант отметим предварительные действия, бытующие у старообрядцев: в Красногорском районе (сватовство предварялось смотринами); в Третьяковском и Солонешенском районах существовал обычай общения разговора жениха с невестой в доме невесты до сватовства.
- Рукобитье, именовавшееся у казаков «зарученьем», у поздних переселенцев и у поляков, где в большей мере сохранились южнорусские истоки «запой», «запивание», «пропой», было обязательным. Оно могло следовать как в день просватанья (казаки, поляки), так и через несколько дней (чалдоны). Отметим, что даже внутри этногруппы временные границы выполнения данного обрядового действия вариативны.
- В качестве локального обычая свадебной игры следует указать особый ритуал, прослеживающийся у носителей южнорусских традиций: обычай «забивать колышки», устраивавшийся у староверов после сватовства, и позднепереселенческий ритуал «считать колышки», проходивший после заоя. Также локальным является обычай вывода невесты «на зарю» в период после сватовства до бранья («припевание зореньки» (Красногорский, Солонешенский р-ны)) в свадебной обрядности поляков.
- В предсвадебный период также как и в общерусской свадьбе центральными являются обрядовые действия: смотрины (старожилы) и сводушки (позднепереселенцы), выполняющие функцию знакомства родственников жениха и невесты.

- День накануне свадьбы наиважнейший в свадебном цикле. Повсеместно устраивались баня для невесты (а в традиции казаков и для жениха), ритуал которой проходил с незначительными вариациями: девушки ехали к жениху за веником и катались с ним по селу, предбанный и послепаный обряды невесты с косой. В этот день везде устраивался девишник последний перед свадьбой либо единственный. Как локальное отметим традицию устраивания и смотрин и девичника в один день, бытовавшую в середине XIX в. у старожилов Алтайского Горного округа.
- В свадебный довенчальный период единая наполняемость действий характерна для всех этнокультурных групп Алтая, а именно: утренние сборы невесты и жениха к венцу пробуждение невестой подружек, обряды с косой, подготовка к приезду жениха; в доме жениха сборы свадебного поезда. В основе бранья повсеместно лежит обряд выкупа косы. Элементом локального бытования данного этапа для среднерусских переселенцев (с. Крутишка Шелаболихинского р-на) является символический предмет елка, стоявшая на столе перед невестой.
- Послевенчальные и послесвадебные обряды единообразны у всех групп. Послевенчальный связан со встречей молодых, окручиванием молодой и укладыванием молодых. В послесвадебный этап происходят ритуалы подъема молодых, извещение о чистоте молодой, дары, гуляния по родственникам, что не расходится с общерусской традицией.
- Венчание бытовало не у всех этнокультурных групп. Отсутствовало оно у старообрядцев-беспоповцев, у которых чин бракосочетания осуществлялся на дому. Такие старообрядческие браки назывались «сводом».
- В целом же отметим черты сходства обрядовых действий всех этнокультурных групп. Однако, если рассматривать традиции каждого отдельно взятого села, прямых аналогий с полным соответствием не возникает: на основе единой канвы общерусского свадебного обряда в каждом из основных его этапов сложилось множество локальных вариантов действия, даже в рамках традиции одной этногруппы. Поскольку свадебный обряд в каждой этнокультурной группе и отдельно взятом селе представляет собой особый цикл с определенной драматургией и особым кругом свадебных песен, зависящих от хода свадебной игры, рассмотрим особенности свадебного фольклора в соответствующей главе.
- В каждом из локально бытующих обрядовых действий прослеживаются две драматургические линии, связанные с переходом невесты территориальный переход в чужой дом и семью; инициационный переход невесты в другую возрастную группу, сопровождаемый прощальными обрядами девичника, бани, венчального утра, обрядами с косой. Завершающим является обряд окручивания.
- В сводном варианте свадебной игры всех этнокультурных групп русского населения Алтая представлены три плана музыкальный (формульный либо политекстовый напев), словесный (диалоги, приговорки), акциональный (действенный).